

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛИЙСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

*Насруллаева Нафиса,
К.ф.н., старший преподаватель СамГИИЯ*

Ключевые слова: *гендерно маркированный, фразеологическая единица, лингвокультура, национальная специфика, менталитет, стереотип.*

Актуальность темы исследования доказывается фактом, что гендерные исследования языковых единиц (включая фразеологических), а также использование лингвистических средств в зависимости от принадлежности к тому или ному полу, привлекают внимание учёных ведущих научных центров мира.

Целью настоящего исследования является сравнительно-сопоставительный анализ гендерно маркированных фразеологических единиц английского и узбекского языков, выявление сходств и различий между ними.

Объектом исследования послужили гендерно маркированные фразеологические единицы английского и узбекского языков, выбранные из англо-русского и узбекско-русского фразеологических словарей, указанных в списке использованной литературы.

В работе использовались следующие методы исследования: дескриптивный анализ, когнитивно-концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, ассоциативный метод и др.

Базовым понятием гендерных исследований является гендер, понимающийся как специфический набор культурных характеристик, определяющих социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой [3, с. 54]. Иными словами, гендер – это инструмент социального характера, комплекс межличностных взаимоотношений, посредством чего в общественном сознании формируются мужские и женские стереотипы.

Изучение проявления гендерного фактора в различных языковых системах создает необходимость гендерных

исследований на материале фразеологии [1, с. 123].

При анализе гендерных смыслов, формирующихся в семантике фразеологизмов английского и узбекского языков, использовалось условное деление общего количества фразеологических единиц на гендерно маркированные (или гендерно окрашенные) и гендерно нейтральные. В данной статье исследованию подверглись гендерно маркированные фразеологизмы английского и узбекского языков.

Гендерно маркированными фразеологическими единицами называются образные выражения языка, фиксирующие и отражающие понятия «мужской пол», «женский пол» и представления об этих понятиях [2, с. 26].

В человеческом обществе всегда существовало распределение социума на две группы – мужчины и женщины [7, с. 15]. Так, за каждым индивидом в социуме закрепилась гендерная роль [5, с. 68]. Для того чтобы подробно изучить гендерные роли (или стереотипы) в рамках определенной языковой культуры, необходимо распределить их по составляющим частям. В данном случае составляющими параметрами служат физические, физиологические, психологические, интеллектуальные характеристики мужчин и женщин. Иными словами, анализу подвергается возраст, внешность, темперамент, черты характера, интеллект, статусы (социальный и семейный) и другие характеристики мужчин и женщин, отражённые во фразеологии английского и узбекского языков.

Данный стереотип в английской лингвокультуре складывается из

следующих понятий: карьера, роль кормильца, мужественность, решительность, ухаживание за женщинами, брак, отцовство, друзья, развлечения.

В узбекской языковой культуре мужской стереотип складывается из следующих понятий: образование, работа, брак, семья, роль кормильца, ответственность, забота о родителях, продвижение в карьере, обеспечение будущего для детей, забота о внуках.

Как видно из составляющих гендерного стереотипа мужчины, в обоих языках идентичным является мужественность, карьерный рост, роль кормильца, семья. Однако в узбекской языковой культуре стереотип мужчины требует большей ответственности и заботы, причем не только о своей семье, но и о престарелых родителях и даже внуках. Такая цепочка взаимозаботы в узбекской культуре укрепляет семейные узы и отдаляет мужчину от излишних развлечений.

Гендерный стереотип мужчины в английском и узбекском языках формируется из биологических и социальных наименований: man / эркак (мужчина), boy / ўғил бола (мальчик), father / ота (отец), brother / ака (брат), son / ўғил (сын), husband / эр (муж), grandfather / бобо (дедушка), uncle / амаки, тоға (дядя), father-in-law / қайнота (свёкр, тесть), grandson / ўғил невара (внук), nephew / ўғил жиян (племянник), friend / дўст (друг), comrade / ўртоқ (товарищ), sir / жаноб (сэр, господин), Mr. / жаноб (Мистер, господин) и т.д.

Следует отметить, что английская лексема *man* имеет также значение «человек» и может употребляться по отношению к женщинам, чего не сказать об узбекской лексеме *эркак*, обозначающей исключительно мужчину. В узбекском языке общей номинацией человека обладают лексемы *инсон*, *киши* и *одам*. В английском языке идентичной семантикой обладает слово *person*.

В формировании гендерного стереотипа мужчины в английской фразеологии большую роль играют

следующие качества: преданность, порядочность, благовоспитанность, мужественность, храбрость, сила воли, интеллект и социальное положение в обществе: *a man of worth* – достойный человек (о мужчине); *a host in himself* – один стоит многих; *square John* – честный, порядочный мужчина (человек); *knight without Fear and without Reproach* – рыцарь без страха и упрека; *a man of honour* – честный, порядочный человек; *great lion* – знаменитый, известный человек (о мужчине); *tough nut* – решительный, твёрдый мужчина.

Узбекская фразеология также изобилует подобными выражениями, восхваляющими мужественность, порядочность, силу воли и выдержанность мужской натуры: *хурмати баланд одам* – уважаемый человек, *мард йигит* – решительный юноша, *довюррак эркак* – бесстрашный мужчина, *лафзи ҳалол* – верный своему слову, *уддасидан чиқадиган* – ловкий малый, *нуфузли одам* – важный человек, *дадил одам* – решительный человек, *иродаси баққуват* – сильный человек, с силой воли и т.п.

Фразеология констатирует: мужчина должен лидерствовать и в семье: *man of the house* – глава семьи = оила боқувчиси. В узбекском примере подчёркивается роль кормильца семьи. Мужчина продолжает выполнять роль добытчика [4, с. 16], у которого на попечении есть *hostages to fortune* – жена и дети = хотин ва бола-чақа. Мужская лень и безработность оцениваются негативно.

В английской и узбекской фразеологических фондах закрепился стереотип о том, что деньги и высокие должности принадлежат мужчинам, что доказывается наличием большого количества соответствующих выражений:

Английские фразеологизмы: *a man of mark* – видный, известный человек; *butter-and-egg man* – (амер.) богач, мот; *a man of position* – человек на высоком посту, при высокой должности; *a man of rank* – человек высокого звания; *a man of business* – деловой человек, бизнесмен; *a*

man of means (или property) – денежный, состоятельный человек.

Узбекские выражения: *катта амалдор* – большой чиновник, *бойвача* – богач, *ишбилармон тадбиркор* – деловой человек, *итининг ялоги тилладан* – куры денег не клюют, *аслзода* – аристократ и др.

Во внутреннем пространстве мужчина выполняет роли мужа, отца, сына или другого родственника: *a man of family* – семейный человек = оилали эркак. Стереотип о том, что власть в семье должна принадлежать мужчине, постепенно утрачивает свою силу в английском менталитете, но стабильно сохраняется в узбекской языковой культуре. Это говорит об ослаблении традиционных патриархальных установок в английских семьях (в связи с бурным развитием феминизма в Европе); отмечается также изменение стереотипа о том, что работу по дому должна выполнять только женщина. Так, помощь мужа в работе по дому и воспитании детей начинает восприниматься как норма: *family man* – хороший семьянин, домосед; *the good man of the house* – хозяин дома. Узбекские выражения *яхши оилапарвар* и *уй эгаси*, на первый взгляд, кажутся эквивалентами приведённых английских примеров, однако под выражением *яхши оилапарвар* имеется в виду мужчина, который заботится о своей семье, вовсе не домосед, выполняющий домашнюю работу и *уй эгаси* – мужчина, являющийся хозяином дома, а не «домохозяйном».

Мужчина, уступающий власть жене, оценивается негативно: *John Thomson's man* – находящийся под каблуком у жены; *to be under one's heel* – be managed by one's wife; *under petticoat government* – (шутл.) под башмаком у жены. Модель мужчины, попадающего во власть жены, зафиксирована и в узбекской фразеологии: *хотиннинг измида юради*, *хотинининг чизган чизигидан чиқмайди*, *хотинининг этагидан тушган*. Все перечисленные выражения номинируют мужчину-подкаблучника.

Положительно оценивается мужская решительность, сила воли и

функция созидания: *the master of one's destiny (или fate)* – хозяин своей судьбы = такдири ўз кўлида; *a self-made man* – мужчина, самостоятельно выбившийся в люди = ўз кучи билан мансабга эришган одам; *a strong man* – властный, решительный человек = хукмли, дадил одам; *a white man* – порядочный, благовоспитанный человек = ҳалол, пок одам.

Как следует из семантики фразеологических высказываний, мужчина должен заслужить право называться мужчиной: *play the man* – поступать, как подобает мужчине = эркакларча иш тутмоқ; *write man* – иметь право называться мужчиной, человеком (шекспировское выражение) = эркак аталишига арзимоқ.

Женский стереотип в английской лингвокультуре состоит из следующих понятий: обладание привлекательной внешностью, любовь, замужество, семья, роль жены, деторождение и уход за детьми, ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, подруги.

В узбекской языковой культуре стереотип женщины складывается из тех же понятий с добавлением роли «келин» (невестка, сноха). Эта роль является одной из первостепенных для женщины.

Гендерный стереотип женщины состоит из обозначений, характеризующих женщину по возрасту, семейному положению, степени родства, социальному статусу и т.п.: *woman* / аёл (женщина), *girl* / қиз бола (девочка, девушка), *mother* / она (мать), *sister* / опа, сингил (сестра), *daughter* / қиз (дочь), *wife* / хотин (жена), *grandmother* / буви (бабушка), *aunt* / хола, амма (тетя), *mother-in-law* / қайнона (свекровь, теща), *granddaughter* / қиз невар (внучка), *nièce* / қиз жиян (племянница), *girlfriend* / дугона (подруга, девушка), *lady* / хоним (леди, госпожа), *Mrs.* / хоним (Миссис – обращение к замужней женщине), *Miss* (Мисс – обращение к незамужней девушке) и т.д.

Красивая внешность приобретает высшую степень необходимости для женщин. Если красота женщины в

английской лингвокультуре сравнивается с розой или вишней: *to have roses in cheeks, (as) red as a cherry* – кровь с молоком, с румянцем во всю щёку, то в узбекском языке она сравнивается с луной: *юзид ойдек, юзида ой кўринади* – лицо как луна, в лице сияет луна [8, с. 1505].

В противоположность сильным качествам мужчин, женщины представлены как слабый пол, они выполняют укоренившиеся в обществе стереотипные роли матери, жены, сестры, подруги [6, с. 22]: *our first mother* – прародительница – Ева = Момо Хаво онамиз; *expectant mother* – беременная женщина, будущая мать = хомиладор аёл, иккикад аёл; *one's good lady* – супруга = рафика; *full (или whole) sister* – родная сестра = туғишган опа (сингил); *sister Anne* – верный друг – женщина. К последнему примеру трудно подобрать соответствующий узбекский эквивалент, поскольку в узбекском менталитете не зафиксирована модель друга-женщины для мужчины, как не зафиксирована модель друга-мужчины для женщины. В данном примере явно отражается национально-культурная специфика языка.

Сфера деятельности женщины в обеих лингвокультурах ограничена внутренним пространством, домом и семьей: *lady of the house* – хозяйка дома = уй бекаси; *lady of the frying-pan* – кухарка = ошхона бекаси; *maid of all work* – единственная служанка, выполняющая всю работу. К последнему примеру трудно подобрать узбекский эквивалент, т.к. в быту узбекского народа всю работу по дому выполняет сама хозяйка дома, без помощи слуг, причём независимо от её социального статуса и финансового положения. Поэтому представим лишь дословный перевод данной ФЕ: барча ишлар заммасидаги хизматкор.

Одной из главных функциональных ролей женщины является роль матери, поэтому компонент *mother* / она (мать) в составе ряда выражений наделяется положительными чертами и обозначает высшую степень родства: *Mother country* – Родина, отечество = Она юрт, Ватан;

Mother earth – Матушка земля = она Ватан; *mother tongue* – родной язык = она тили. Основная стереотипная функция матери заключается в рождении, кормлении и защите детей: *mother's milk* – хлеб насущный, что-либо слишком необходимое = ризк-рўз.

Религиозная специфика в анализируемых языковых культурах прослеживается на примере английского выражения *mother Superior* – настоятельница, игуменья, у которого нет узбекского эквивалента, что связано с отсутствием подобной модели женщины в узбекской культуре, поэтому приходится ограничиться буквальным переводом: аёллар монастирининг бошлиғи.

В течение довольно длительного периода в английской и узбекской языковых культурах продолжал существовать стереотип о необходимости замужества для женщин. Однако по данным фразеологического фонда современного периода, стереотип незамужней женщины перестает быть отрицательным как в английском, так и в узбекском языках.

Фразеологизм *bachelor girl* – одинокая самостоятельная девушка, холостячка, невозможно перевести на узбекский язык как «буйдоқ қиз», поскольку узбекская лексема *буйдоқ* употребляется по отношению к неженатым мужчинам. Данному примеру лучше представить лексический перевод: ёлғиз мустақил қиз. Возможно, эта модель девушки с течением времени приобретёт популярность, тогда она будет зафиксирована в лексикографических источниках как узбекская фразеологическая единица-неологизм *буйдоқ қиз* – холостячка.

Стереотипы, связанные с тещей, свекровью и золовкой, наделяются отрицательными оценками: *She is well married who has neither mother-in-law nor sister-in-law by her* – Хорошо вышла замуж та, у которой нет ни свекрови ни золовки; *Happy is she who marries the son of dead mother* – Счастлива та, что вышла замуж за сына умершей матери. У этих пословиц

нет узбекских аналогов, что связано со спецификой дружных внутрисемейных отношений в узбекских семьях.

В английской фразеологии жена, полностью управляющая семьёй (и мужем в том числе), оценивается негативно: *the gray mare* – женщина, держащая своего мужа под каблуком = эрини тавони остида тутади; *wear the breeches (или pants)* – верховодить в доме (о женщине), держать мужа под каблуком = оилани бошқаради (аёл киши ҳақида). Английские фразеологизмы, номинирующие такую модель женщины, приобретают популярность в английском языке и остаются единичными в узбекском языке. Это говорит о том, что модель властной женщины, полностью держащей мужа в своей власти, остаётся неприемлемой для узбекской культуры. Ей соответствует

образ покорной жены, уважающей и почитающей своего мужа.

Панорама женского образа, как видно из вышеперечисленных женских качеств, намного разнообразнее, чем представление мужского образа. Это говорит о загадочности женской души, парадоксально вмещающей в себя как положительные, так и негативные черты.

Таким образом, гендерные стереотипы, отмеченные в английской и узбекской фразеологических системах, основаны на личностных характеристиках мужчин и женщин, их социальных ролях, типажах внешности и возрастных категориях. Некоторые гендерные стереотипы проявляют тенденцию к динамике, что объясняется изменением развития человеческого общества.

Литература:

1. Авдеева О. И. Всероссийская научная конференция «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» // Филологические науки. – Москва, 2000. – №5. – С. 122-125.
2. Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГУ, 2002. – 219 с.
3. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки, 2003. - № 5. – С.51-56.
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Москва: Наука, 2003. – 348 с.
5. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: культурно-универсальные и культурно-специфические особенности невербального коммуникативного поведения // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы Третьей Международной конференции. – Москва: МГУ, 2003. – С.67-68.
6. Никольская В.А. Гендерные асимметрии и стереотипы в английской фразеологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2005. – 23 с.
7. Baron Dennis E. Grammar and Gender. – New Haven: Yale University Press, 1986. – 212 p.
8. Nasrullaeva N.Z. Gender conceptualization of English phraseological units. // International Journal of Advanced Research. – September 2016 - № 4 (9). Journal indexed by CrossRef, International Impact Factor 5.336; Index Copernicus 63.21. – P.1503-1508.

Словари:

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 3-е, испр., в двух книгах. – Москва: СЭ, 1967. – Т.1. – 738с.; Т.2. – 739 – 1264 с.
2. Садыкова М. Краткий узбекско-русский фразеологический словарь. – Ташкент: Главная редакция Узбекской Энциклопедии, 1989. – 336 с.

Насруллаева Н. Инглиз ва ўзбек фразеологик сатҳлардаги гендер стереотипларнинг миллий-маданий хусусиятлари. Ушбу мақола инглиз ва ўзбек фразеологияси материали

асосида ушбу тилларнинг лисоний манзарасидаги гендер стереотипларнинг тадқиқига бағишланган. Инглиз ва ўзбек гендер белгили фразеологик бирликларнинг қиёсий-чоғиштира таҳлили ёрдамида ушбу тилларда эркак ва аёл образларнинг шакллантиришининг ўхшашлик ва фарқли томонлари аниқланади. Ушбу фарқлар инглиз ва ўзбек тиллардаги миллий-маданий хусусиятлари ва уларнинг ривожланишининг тарихий шароитлари билан изоҳланади. Мақоланинг назарий томони бир қатор инглиз ва ўзбек гендер белгили фразеологик бирликлар билан тасдиқланади.

Nasrullayeva N. National-cultural specifics of gender stereotypes in the English and Uzbek phraseological systems. *The article is devoted to investigation of gender stereotypes in the English and Uzbek lingual world view on the basis of phraseology of both languages. The comparative analysis of English and Uzbek genderly marked phraseological units has made out similarities and differences in the formation of masculine and feminine images in both lingual cultures. The differences in both analyzed languages are explained by the national-cultural specifics of the English and Uzbek languages, and by historical conditions of their development. Theoretical part of the article is proved by numerous examples of English and Uzbek genderly marked phraseological units.*
